

Я не изменю вам, Лоренцо

Известия - 2001 - 21 авг. - 97.

130 лет назад родился Леонид Андреев — один из самых необычных русских писателей

Юбилей классика русской литературы, экспрессиониста, так не похожего ни на одного из своих современников, мы решили отметить публикацией фрагментов дневника его жены — Анны Ильиничны Андреевой (в девичестве Денисевич). Она стала вести его вскоре после смерти мужа. Этот дневник можно назвать памятником Андрееву — писателю и человеку. И еще — памятником необыкновенной любви этих двух людей. Фрагменты из дневников публикуются впервые с разрешения внучки Андреева Ирины РЫЖКОВОЙ-АНДРЕЕВОЙ.

Наталья
ИВАНОВА-ГЛАДИЛЬЩИКОВА

История любви

Удивительна судьба этой красивой и умной женщины — «черноглазой и даже огнеокой» (по выражению ее близкого друга по эмиграции — Марины Цветаевой), ставшей второй женой Леонида Андреева. Его первая жена, Александра Михайловна Велигорская, умерла от родов сына Андреева — Даниила (первенцем был Вадим). После смерти жены в ноябре 1906 года Андреев год страшно пил. А потом, по «официальной» версии, распространенной в семье, познакомился с Анной Ильиничной Денисевич, по уши влюбился и женился. Только спустя десятилетия внучка Андреева Ирина выяснила, как все было на самом деле. Оказывается, Андреев опубликовал объявление о том, что ему нужна секретарша. Пришла толпа народу (как же: вдовец, да еще знаменитый писатель!), и в том числе — Анна Ильинична. К тому времени у 26-летней Анны уже была дочь Нина (развод с мужем не был оформлен). Весьма образованная — и в музыке, и в истории живописи (ее бабушка — профессор скульптуры и архитектуры) — она знала несколько языков, бегло печатала на машинке. Андреев сразу же принял ее на работу и буквально через три месяца, 20 апреля 1908 года, на ней женился. Но выяснилось, что изначально то он ухаживал за ее сестрой — Анатолией. Делал предложение, но получил отказ (он ей не очень нравился).

Обвенчались в Одессе. Вся семья переехала в деревню Вammelсу недалеко от Петербурга, в знаменитый «дом на Черной речке», построенный по рисункам Андреева. Анна Ильинична всеми силами старалась заслужить его любовь. Фактически она была его литературным секретарем. Андреев работал ночью: ходил по комнате, пил черный крепкий чай и диктовал. А она печатала. По ходу действия они обсуждали написанное, он прислушивался к ее мнению. Анна Ильинична разделяла все увлечения своего одаренного мужа — в том числе фотографией.

Дневник как спасение

Андреев умер в 48 лет — 12 сентября 1919 года от разрыва сердца. Последние годы его мучили ужасные головные боли. По словам дочери Веры, из жизни матери «как будто вынули тот стержень, на котором она держалась, и она рухнула беспомощно и превратилась в груду жалких обломков... Мы не подозревали, что наша мама находилась тогда на грани безумия или самоубийства». Между тем еще до смерти Андреева они фактически стали эмигрантами, потому что дом на Черной речке оказался на территории Финляндии. На руках молодой вдовы осталось пятеро детей («своих, чужих и общих», как говорил Андреев: ее дочь Нина, андреевский Вадим, общие — Савва, Вера и Валентин. Еще один сын Андреева — будущий автор «Розы мира» Даниил — с рождения воспитывался у бабушки). Ее спас дневник, который она начала вести сразу после смерти мужа.

1.IX.1920. ...Неделю до сегодняшнего дня мы задыхались от гари —

горит Россия. Дым был так густ, что днем не видно солнца — белесоватое пятно, а по ночам красная луна... Как всегда с Леонидом. Вот он спокойно читает перед сном своих Дюма или «негодяев» (все Майн-Риды и т.п.) и ест со вкусом яблоко. Я подойду к нему и лежу рядом, голова моя у его груди, слышу запах его яблока и слушаю биение его сердца. Весь дом спит, все благополучно, дети спят, мамаша; только что окончил он свою работу, после читали, говорили. И я твержу себе: ну вот, запомни же навсегда это, это счастье твоё, оно пройдет, это кончится, но оно было, вот оно сейчас, запомни же.

И так каждый раз. Это ужасно! И никогда я ему этого не сказала в тот момент, когда думала. Нельзя тревожить, пусть отдыхает, сердце так бьется, что как будто с моей стороны оно, с правой. И никогда не говорили о том, как мне, детям жить после его смерти. Только: «Но вы измените мне, донна Франческа!» И всегда ответ: «Я не изменю вам, Лоренцо!»

4.IX.1920. Какой хаос, какое отчаянное состояние духа было у Леонида последние дни. Говорит, и все решает:

Он. Я не могу ехать (в Америку) без готового определенного материала.

Я. О чем ты беспокоишься, ведь в каждый данный момент ты можешь прочесть целую лекцию, сказать интереснейшую речь. Наконец, ты сможешь туда ехать просто как Леонид Андреев, с прошлыми услугами.

Он. Нет, хотя бы д е в е написанных, готовых лекций я должен приготовить.

На другой день.

Он. Что лекции! Ведь я п и с а т е л ь! Теперь я должен бы написать второй «Красный смех». Не лекцию, а произведение — по своей специальности. Знаю ее / вещь /, в ней все бы охватить, как там — войну, но стержень вещи вместо того «безумия и ужаса», если сказать одним словом...

Я. Я знаю это слово, позволь сказать.

Он. Говори.

Я. Ложь. Обман. Так?

Он. Да, ты права...

На следующий день.

...Стал читать отрывки из Дневника своего, говорит: «Вот, если ты, Нюсё, мне переписала бы в отдельную тетрадку это (отмечал крестиками), то у меня и собрался бы кое-какой материал».

Всеми отрывками я восхищалась. Он ласково улыбался в ответ.

...Когда он мне сказал о последнем решении: ничего не писать, не работать, только мне переписать из Дневника (он ходил по кабинету в чесучовой своей куртке, такой взволнованный и милый, говорил после мучительного обдумывания и вывода, что у него нет сил на работу), я бросилась к нему со словами «умница ты моя» и поцеловала его руку. На щеках были слезы...

Наташа внесла стакан чаю, последний...

Проводила его, уложила. И так спешила поскорей начать переписывать, что не поцеловала на прощание.

Успела переписать пять строк, как он закричал:

— Аня!

Вбежала к нему. Еще:

Леонид Андреев. «Автопортрет с Анной» (1910 год). В оригинале снимок цветной

— Тут (показывая на сердце) что-то схватило!

Упал, и через два с половиной часа его не стало.

16.IX.1920. И читаю я, учусь, все ищу утешения у книги, у мудрых — и в конце концов — мне страшно жить. Именно страшно. Так быстро меня оставил Леонид, так вижу я, как все умирает и живет лишь минуту, мгновение одно. И так я мало знаю, так убога я. Страх, страх перед грозными веляниями Судьбы, перед всем этим «мировым устройством» одолев меня. И что я могу сама решать? Одиночество полное и абсолютное. Как всегда думала и утешалась: вырастет Савва — с ним буду говорить. Но он так огорчает меня! Как-то бесцельно блатается целыми днями, не вижу проявления в нем страсти к чему-либо... А в конце концов — он единственный — соединение Леонида и меня, в нем смысл теперь моей жизни. Иначе что? И через три года я уж совсем стара. А старость — это одиночество безнадежное. И так это было последние два года жизни с Леонидом. Ничего не могла говорить с ним о жизни вообще — так все уходило только на волнение о его здоровье, о его самочувствии, так невозможно было тянуть его во мрак. Его: «я на половину, по пояс уже в земле». Отнимались ноги, руки, язык у меня. Что уж тут говорить! Плясала бы да не умею — хоть на один миг вызвать улыбку у него... И мысль неотвязная: вот так он умирает здесь в глуши, он! Ему бы дал океана, солнце и розы, и женщину дать, — все он заслужил, так уж достоин всего — и ничего: корявые березки, да я, все я. Невыносимо! И так на глазах моих он угасал. Тосковал тихо и замолчал. Не мог п и с а т ь! И все решил: надо полюбить, во что бы то ни стало надо полюбить его, неизвестную. Одно это может толкнуть опять к жизни, к работе. И все разрывалось во мне от жалости — и своими руками привела бы к нему ее, ту, которая даст ему жизнь. И проходили дни. Бесконечные, один на другой похожие. И ночи. И этот дом наш, который начал умирать еще раньше: все покосилось, искривилось, темно, пусто; для его жизни нужны

деньги, люди. Черные дни, мучительные. Так кончалась его жизнь...

23.IX.1921. Странная вещь. При мне (я беру «дни нашей жизни») Леонид никогда не читал Достоевского. Говорил о нем раза 2—3. Вообще мы с ним никогда не философствовали, к чему у меня такая тяга. Как будто зная заранее, понимая, почему он пишет то, а не иное... Леонид говорил о себе: только когда отрицаю — я силен... И еще: «Но, написав Жизнь Человека, потом Елеазара, я дошел до такой тьмы, что я погиб бы, лично погиб. Моя жизнь с Шурой (первая жена Л. Андреева. — «Известия») вела к этому. Как женщина она не существовала для меня. Холод и мрак. Узнал женщину впервые — тебя». Все это говорил скупой, короткими фразами, предельно так: «Знай это, больше не спрашивай. (Я никогда не спрашивала о жизни с Ш., о ней.) Скажу коротко: если бы сейчас воскресла Ш. и вошла бы в эту дверь, я сказал бы — иди, откуда пришла. И остался бы с тобой». И еще: «Так надо было, чтобы она умерла».

Отъезд

Сразу после смерти Андреева остались деньги. Анна Ильинична пишет: «Каждый день благодарю Его, что дал возможность так жить, ни в чем не нуждаясь. Все сыты, одеты, учатся. Вчера купила всем троем валенки и перчатки. Шла и радовалась: так просто — пошла и купила. Спасибо Тебе, мой голубчик». Тем не менее оставаться в доме на Черной речке было невозможно — подступал голод, обедать приходилось крапивными котлетками. О возвращении в голодную Россию тоже не могло идти речи. Ради спасения детей она решила уехать в Европу. Еще молодая вдова поставила себе целью заняться изданием Собрания сочинений Андреева в самых разных странах. И начала осуществлять свою идею: первой страной, куда они уехали, была Германия, потом — Италия, Чехия, Франция.

Савва

И Анна Ильинична, и Андреев обожали своего первенца — Савву. Видимо, Савва был плодом

их страстной любви. Большая загадка, как можно отдавать такое предпочтение одному ребенку. Савва был необычайно красив: когда шел по улице, люди оглядывались: такая неаполитанская, нерусская внешность. Позже говорили, что он похож на Дугласа Фербенкса. У него рано проявились таланты к рисованию. Первым учителем стал сосед — сам Илья Ефимович Репин. Когда Савве было пять лет, он нарисовал голову лошади. Вышла как живая — глаза блестели, ноздри раздувались — вот-вот заржет. И Андреев, и Анна Ильинична были уверены, что Савва станет большим художником («не Репиним, конечно, но художником, никак не меньше Серова»). Когда Андреев умер, лейтмотивом дневника Анны Ильиничны стали опасения: «Леонид столько в него вложил, а получится ли что-нибудь из него?». Именно Савву (одного!) родители брали в поездки по Италии или в шхеры. Тем не менее Савву обожали все братья и сестры. По свидетельству сестры Веры, он «никогда не врал, не обманывал, не изворачивался, был храбр до безрассудства». Савва учился в парижской Академии изящных искусств. Потом вдруг (возможно, в знак протеста) увлекся балетом. В 16 лет, по семейной легенде, произошла такая история: как-то вечером в пригороде Парижа прогуливалась большая компания, где были Цветаева, Анна Ильинична, дети, кто-то еще и Михаил Фокин. Анна Ильинична рассказывала всем, какой Савва ловкий (может поставить в ряд 12 стульев, разбежаться и перепрыгнуть). Фокин усомнился. В это время они поравнялись с высоченным забором и Фокин предложил Савве: вот забор, можешь перепрыгнуть через него? Тот ответил: «Запросто». Подошел к забору, с трудом дотянулся пальцами до верха — и перепрыгнул. Фокин был потрясен и предложил: «Приходите ко мне завтра же!»

Савва обехал с трупой Фокина весь свет и в результате осел в Аргентине. Труппа гастролирова-

ла там в тот момент, когда Америка вступила во Вторую мировую (японцы разбомбили базу в Перл-Харборе). Анна Ильинична, жившая к тому моменту в Нью-Йорке, отправила сыну телеграмму: «Не вздумай приезжать, иначе тебя немедленно мобилизуют! Зачем тебе сражаться за чужую страну».

После смерти Анны Ильиничны в 1948 году ему из Америки переправили архив Андреева. Но за много лет он не успел сделать даже его описи — когда начинал читать, его душили слезы и он бросал. Умер Савва в 1970 году в Буэнос-Айресе, где до последних дней танцевал в знаменитом театре «Колон».

Цветаева

Когда Анна Ильинична с детьми оказалась в Чехии, единственной, с кем она сдружилась по-настоящему, была Цветаева. Сблизились настолько, что в 1924 году вместе переехали во Францию. В письме к Анне Тесковой, говоря о своем одиночестве, Цветаева пишет: «И еще — благодарность тем, кто мне помогал жить: Вам, А.И. Андреевой и Пастернаку. Больше у меня не было никого». Их роднила истовая любовь к сыновьям, и «мужской» (независимый) склад личности, не укладывавшийся в общепринятые рамки. Они общались на равных. Уезжая в СССР, Цветаева не успела попрощаться с Анной Ильиничной. Она передала ей очень неразборчивую записку карандашом от 8 июня 1939 года: «Дорогая Анна Ильинична! Прощайте. Проститься не удалось, — все вышло молниеносно!.. Помню и буду помнить все... Дружили мы с Вами 14 с половиной лет... Живописное, увлекательное, горячее дарование, неожиданное и, в чем-то глубоко — НАСТОЯЩЕЕ человека — я никогда не встречала. Желаю Вам счастливой Америки с Саввой. Ему — горячий привет. Я его очень оценила, и когда рассказываю о нем и о Вас СКАЗКА, которая — ПРАВДА. Обнимаю и НИКОГДА не забуду. Мои память, которая есть сердце. Вы знаете. М.»

Толстовская ферма

«Счастливая Америка» с Саввой — это напоминание о том, что Анна Ильинична всю жизнь мечтала соединиться с любимым сыном. Этого так и не произошло. Перебравшись в Нью-Йорк, в годы войны она оказалась в окрестностях города, на знаменитой Толстовской ферме у Александры Львовны Толстой, откуда продолжала рваться к Савве. Архив Андреева она возила с собой по свету. Она была весьма одинока. У внучки Анны Ильиничны и Леонида Андреева — Ирины Рыжковой-Андреевой есть копия письма Александры Львовны Толстой Савве, в котором та описывала последние часы вдовы Андреева.

Возможно, Анна Ильинична уехала в Америку только потому, что перед смертью у Андреева была шальная мысль предпринять поездку на этот далекий континент.

P. S. Судьбы остальных детей Андреева: Вадим — участвовал во французском Сопротивлении, впоследствии работал в ООН, автор многих книг, в том числе знаменитого «Детства». Даниил — никогда не покидал СССР, автор знаменитой «Розы мира». Валентин — окончил Школу прикладных искусств в Париже, жил во Франции, работал синхронным переводчиком. Вера — окончила филологическое отделение Сорбонны, автор книги «Эхо прошедшего». Единственная из семьи, кто вернулся на родину.